

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1₍₂₀₎

Весна – лето

2014

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- «Послание Петра Филиппу» (*NHC VIII.2. 132.10–140.27; CodTch 1.1–9.17*). Введение, перевод с коптского языка, комментарий *А.Л. Хосроева* 5
- Наказ Тодзю*. «Беседы со старцем». Предисловие, перевод фрагментов с японского языка, комментарий *К.Г. Маранджян* 31
- Т.А. Пан*. Маньчжуро-монгольский диплом, выданный жене монгольского аристократа (из коллекции ИВР РАН) 38

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Н.В. Козырева*. «Знатные и великие». Богатые семьи города Ларсы в XIX–XVIII вв. до н.э. 45
- Б.Б. Лаикарбеков**. Рефлексы древнеиранского *gātu-/*gādu- ‘место, время’ в памирских языках и некоторых таджикских говорах 58
- И.В. Герасимов, Абд ал-Азиз Хасан, Сумейя*. Жилища и дома суданцев в «Табакат» Ибн Дайфаллаха 64
- В.М. Рыбаков*. Танские законы о насильственных видах присвоения чужого имущества 75
- И.С. Гуревич*. Грамматическая стилистика текстов *тинхуа* (на материале «Заново составленного *тинхуа* по истории Пяти династий») 89
- С.Л. Невелева*. Древнеиндийская эпическая мифология: основные характеристики 100

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- С.М. Прозоров*. Духовные ценности суфиев в надписях на личных вещах (по материалам арабской рукописи сочинения по суфизму ‘Азизи Шайзалы, ум. в 494/1100 г.) 114
- Ю.А. Иоаннесян*. Комментарий Баба на суру «ал-Каусар» 126
- О.М. Чунакова*. Среднеперсидские манихейские фрагменты из Туяк-Мазара 143
- М.В. Фионин*. История изучения новозаветных лекционариев (краткий обзор) 148

Наука — Восточная литература
2014

<i>Е.П. Островская.</i> О значении термина bhagavān в составе религиозного титула Будда Бхагаван	160
<i>С.Л. Бурмистров.</i> Культ и мифология Ганеши (по рукописным материалам из Индийского фонда ИВР РАН)	168

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

<i>К.К. Курдоев.</i> Краткий историко-этнографический очерк о курдах заза. Предисловие и публикация текста <i>З.А. Юсуповой</i>	180
<i>С.С. Сабрукова.</i> Памятник буддийской архитектуры — Эркетеневский хурул (по материалам АВ ИВР РАН)	201
<i>К.В. Алексеев, А.А. Туранская, Н.В. Ямпольская.</i> Фрагменты монгольского Золотого Ганджура в собрании ИВР РАН	206
<i>И.Г. Алимбарашвили.</i> Из взаимоотношений Мари Броссе и Дмитрия Мегвинетухуцесишвили	225
<i>Е.О. Шухман.</i> Еврейские палеотипы в коллекции ИВР РАН (краткий обзор)	231

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>О.А. Воднева.</i> Ежегодная (годовая) научная сессия ИВР РАН «Письменное наследие Востока как основа классического востоковедения». К 195-летию (1818–2013) Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН (СПб., 2–4.12.2013)	243
<i>М.М. Юнусов.</i> Петербургский институт нудайки. Третья ежегодная конференция по нудайке и востоковедению (СПб., 17.12.2013)	252
<i>И.В. Кульганек, Т.А. Пан.</i> Шестая научно-практическая конференция «Путешествия на Восток — 2013» (СПб., 26.03.2014)	257
<i>С.Х. Шомахмадов.</i> Открытый теоретический семинар сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Первое заседание: доклад М.И. Воробьевой-Десятковской «Буддийские рукописи из коллекции М. Скоена (Martin Schøyen)» (СПб., 16.04.2014)	260
<i>Н.О. Чехович.</i> Конференция «Администрация и бюрократия на Древнем Востоке (к 125-летию со дня рождения Василия Васильевича Струве)» (СПб., 22–23.04.2014)	262
<i>Е.П. Островская.</i> Открытый теоретический семинар сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Второе и третье заседания: доклад Т.В. Ермаковой «Собиратели рукописей индийского фонда Азиатского музея — ИВР РАН» (СПб., 12 и 21.05.2014)	265

РЕЦЕНЗИИ

На четвертой стороне обложки: Маньчжуро-китайский диплом из маньчжурской коллекции ИВР РАН, шифр С 30 mss (к статье Т.А. Пан)	
Над номером работали: Г.О. Ковтунович А.А. Ковалев О.В. Мажидова О.В. Волкова А.Е. Танчарова Е.А. Пронина	
The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part I (1845–1851) / Ed. A.P. Jenkins. — Naha: Okinawa Prefectural Board of Education, 2005. — xxx+640 pp. and The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part II (1852–1854) / Ed. by A.P. Jenkins. — Naha: Okinawa Prefectural Board of Education, 2012. — x+732 pp. (<i>К.Г. Маранджян</i>)	267
<i>Пэн Сян-цян</i> 彭向前. Си Ся вэнь Мэн-цзы чжэнли яньзюо 西夏文《孟子》整理研究 (Комплексное исследование тангутского перевода «Мэн-цзы»). — Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2012. — 295 с. (<i>Тан Цзюнь, Ю.С. Мильникова</i>)	269
<i>Дмитрий Цолин.</i> Арамейский язык библейских тестов и Таргума Онкелоса. Учебное пособие. — Черкассы: Коллоквиум, 2013. — 359 с. (<i>В. Голенец</i>)	274
<i>Ю.В. Болтач.</i> Ханмун. Вводный курс. — СПб.: Гиперион, 2013. — 335 с. (<i>И.С. Гуревич, К.Г. Маранджян</i>)	275
«Второй» и «Третий» альбомы о. Иакинфа (Н.Я. Бичурина). Вступит. ст. академика В.С. Мясникова и О.В. Васильевой. Подг. к изд. О.В. Васильевой. — СПб.: Российская национальная библиотека, 2012 (<i>И.Ф. Попова</i>)	276
© Российская академия наук, 2014 © Институт восточных рукописей РАН, 2014	

В.М. Рыбаков

Танские законы о насильственных видах присвоения чужого имущества

Уголовные нормы, предписывающие карательные санкции за насильственное присвоение чужого имущества, формируются под непосредственным воздействием двух фундаментальных положений культуры: отношения к личности и отношения к собственности. Законы китайской династии Тан одним из шести основных видов имущественных преступлений и наиболее неприемлемым из них называли «грабеж». Преступная мотивация человека, совершившего грабеж, считалась двойной: корысть и жестокость, алчность и отсутствие человеколюбия. Для определения наказания грабителю следовало учитывать степень преступной мотивации по обоим этим параметрам. Понятие насилия, считавшегося неотъемлемым элементом грабежа, могло трактоваться расширительно. Любое поставление человека в угрожаемое положение, любое приведение его в беспомощное состояние, если сопровождалось затем хищением его имущества, квалифицировались как грабеж. Члены сословия лично зависимых, такие как рабы, обычно приравнивавшиеся законом к имуществу, юридически сразу оказывались людьми, если к ним применялось преступное насилие.

Ключевые слова: традиционные общества, государство и право, уголовные законы, представления о личности и о собственности, имущественные преступления.

Грабеж как таковой

Уголовные нормы, предписывающие карательные санкции за насильственное присвоение чужого имущества, формируются под непосредственным воздействием двух фундаментальных положений культуры: отношения к личности и отношения к собственности. Анализ уголовных законов позволяет взглянуть на эти положения с той точки зрения, какую не может предложить никакой иной подход, и реконструировать некоторые их характеристики, при других методиках исследования остающиеся вне поля зрения, как бы в «слепой зоне».

Уголовное право периода Тан (618–907) выделяло шесть основных типов имущественных преступлений — *лю цзан* 六賊 (шесть присвоений). При их перечислении первым танские законы всегда называют грабеж (*цяндао* 強盜).

Главным критерием отнесения присвоения чужого имущества именно к грабежу вполне понятным образом было избрано применение насилия, которое в самом Кодексе трактуется как «угроза либо сила» (*вэй жо ли* 威若力). Это значит, что происходило не просто лишение собственника его собственности, но жизнь или по крайней мере здоровье человеческого существа с самого начала осуществления преступления были поставлены преступником под угрозу. В Кодексе говорится:

Имеется в виду, что чье-либо имущество было получено посредством угрозы либо силы. Если сначала было совершено насилие (цян 強), а затем хищение (дао 盜), или сначала хищение, а затем насилие, а также если [кто-либо], дав человеку вино или пищу с [каким-либо] снабдьем, лишил его разума и взял его имущество,

это тоже является [таковым] (Тан люй. Ст. 281. Уголовные установления Тан, 2005, с. 91).

От грабежа следовало отличать преступные деяния, при которых получение чужого имущества и применение насилия к его владельцу были разнесены по времени и ситуации. Танское право четко осознавало эту разницу, ибо стремилось к филигранно отградуированной справедливости. Обусловленность позднейшего применения насилия исходным воровством не могла послужить основанием для обвинения в грабеже, если само фигурирующее в деле имущество было получено (или, по крайней мере, его пытались получить) без применения насилия.

Если же кто-то взял потерянное имущество, а когда хозяин, придя, узнал его, из-за этого подрался с ним, не соглашаясь его вернуть, или же украл имущество [какого-либо] человека, а когда хозяин имущества открыл это, тут же бросил имущество и бежал, но, когда хозяин погнался за ним, из-за этого подрался с [хозяином], и [другие ситуации] такого рода, при которых [одно] преступное деяние вызвало [другое, а то, в свою очередь], дополнило [первое], все грабежом не являются (Тан люй. Ст. 281. Уголовные установления Тан, 2005, с. 91).

Следовательно, ситуация «сначала хищение, потом насилие», чтобы быть квалифицированной как грабеж, должна была представлять собой нерасчлененную цепочку событий и действий; именно такая нерасчлененность доказывала, что преступником с самого начала двигало двойное преступное побуждение: корысть и жестокость, стремление к наживе и бесчеловечность.

Хищение могло быть, а могло и не быть сочтено грабежом, если насилие применялось похитителем не к владельцу похищенного имущества, а к третьему лицу.

Дело в том, что любой человек имел законную возможность (то есть не подлежал за совершение данных действий наказанию) самостоятельно, не теряя времени на уведомление властей, задержать и даже связать для последующей передачи властям любого, кто был повинен в избиении с нанесением тяжких телесных повреждений, хищении или изнасиловании (Тан люй. Ст. 453. Уголовные установления Тан, 2008. С. 123). Так вот, если убегающий с чужим имуществом похититель, отнюдь не применивший насилия к владельцу похищенного им имущества, все же решался применить его к стороннему человеку, попытавшемуся преступника задержать, — тогда это хищение определялось как грабеж.

С другой стороны:

Если же был разрыв во времени и [преступника пытались] задержать позже, когда хозяин имущества уже не ищет его и не гонится за ним, так что даже не известен источник хищения, и вследствие [задержания] один давал отпор и противодействовал другому, имеет место лишь преступное сопротивление при задержании. Это не составляет грабежа (Тан люй. Ст. 281. Уголовные установления Тан, 2005, с. 92)¹.

Грабеж, поскольку был связан с непосредственным покушением на личную неприкосновенность того, кто ему подвергался, рассматривался как преступление весьма тяжелое и требующее поэтому адекватно сурового наказания. Алчность тут вплот-

¹ Нормы наказания за сопротивление при задержании сформулированы в ст. 465 Кодекса. См. также: Уголовные установления Тан, 2008, с. 145–146.

ную граничила с вопиющим отсутствием человеколюбия и вполне могла в него перерасти, коль скоро вождедеющий чужого имущества человек решался нанести жертве грабежа прямой физический ущерб.

Тот, кто решался на грабеж, подлежал серьезному наказанию даже за безрезультатную попытку преступления. Если покушение не увенчалось получением каких-либо материальных ценностей или, как говорится в самом Кодексе, «имущество не было получено» (*бу дэ цай* 不得財), неудачливый грабитель уже за одно то, что, движимый корыстью, поставил жизнь и здоровье постороннего человека в угрожаемое положение, должен был быть наказан 2 годами каторги.

Если результатом грабежа оказалось получение такой малости, как имущество стоимостью в 1 *чи* шелка, наказание увеличивалось уже до 3 лет².

Затем возрастание стоимости награбленного на каждые 2 *пи* должно было приводить к увеличению наказания на 1 степень.

Таким образом, за грабеж имущества в размере от 1 *чи* до 2 *пи* полагалось наказание 3 годами каторги. При стоимости в 2 *пи* 1 *чи* наказание увеличивалось до ссылки на 2000 *ли*. При стоимости в 6 *пи* 1 *чи* оно достигало ссылки на 3000 *ли*.

Затем тяжесть наказания не возрастала, пока стоимость награбленного не достигала 10 *пи*. Если же грабитель поживился на полных и целых 10 *пи*, его следовало наказать смертной казнью через удушение.

Это же наказание назначалось, если величина награбленного превышала данное ограничение. Как бы велика ни оказалась реально стоимость награбленного, это не могло, если грабеж не сопровождался убийством жертвы или применением против нее оружия, привести к перерастанию наказания из удушения в обезглавливание.

Поскольку, однако, социальная опасность грабежа заключалась не только в хищении материальных ценностей, но и в посягательстве на личную физическую неприкосновенность жертвы грабежа, тяжесть наказания не могла варьироваться исключительно в зависимости от стоимости похищенного, то есть от степени корыстолюбия, степени алчности грабителя. Параллельная и, в определенном смысле, более существенная корреляция осуществлялась соответственно степени бесчеловечности, которую проявлял или готов был проявить преступник. То есть — соответственно опасности, в которую был поставлен при осуществлении грабежа ограбленный, и тому физическому ущербу, который он получил.

Предположим, попытка грабежа как такового оказалась безуспешной и грабитель не смог ничем поживиться. Если бы дело тем и кончилось, наказание, как уже упоминалось выше, равнялось бы 2 годам каторги. Однако если в ходе безуспешной попытки ограбления злодей нанес жертве телесное повреждение (*шан* 傷)³, он подлежал удушению — то есть наказание было таким же, как за не сопровождавшийся нанесением физического ущерба успешный грабеж в размере 10 *пи*.

² Шкала основных наказаний по танскому праву состояла из: пяти разновидностей наказания легкими палками (10, 20, 30, 40 и 50 ударов); пяти разновидностей наказания тяжелыми палками (60, 70, 80, 90 и 100 ударов); пяти разновидностей наказания каторгой (1 год, 1,5, 2, 2,5 и 3 года работ); трех разновидностей наказания ссылкой (ссылка на 2000, на 2500 и на 3000 *ли*, где *ли* — ок. полукилометра); двух разновидностей наказания смертью (удавление и обезглавливание). Эти наказания группировались по степеням тяжести, которые в основном повторяли разбивку по разновидностям. Мерилем стоимости в танском Кодексе избран шелк определенного сорта, который, в свою очередь, измерялся либо в штуках (*пи* 匹), либо, если присвоение было небольшим, в отрезках *чи* 尺. Одна штука шелка определяется в Кодексе как единица ткани длиной в 40 *чи* и шириной в 1 *чи* 8 *цуней*, один отрез — часть штуки длиной в 1 *чи* при стандартной ширине в 1 *чи* 8 *цуней*. Танские *чи* и *цунь* составляли, соответственно, около 31,1 см и 3,11 см (Кроль, Романовский, 1982, с. 227).

³ «Появление крови рассматривается как телесное повреждение» (Тан луй. Ст. 302. Уголовные постановления Тан, 2005, с. 148).

Если же грабитель убил жертву, пусть даже ничем в результате не разжившись, наказание ему увеличивалось так, как оно никогда не смогло бы увеличиться в соответствии только с величиной награбленного, — до смертной казни через обезглавливание, то есть до высшей меры, предусмотренной танским правом.

Но и это еще не все. Нанесение телесных повреждений или убийство просто руками и ногами (либо с использованием посторонних подручных средств) оценивались законом радикально иначе, нежели нанесение телесных повреждений или убийство с помощью оружия. Поэтому если грабитель при совершении грабежа «держал в руках оружие» (*чи чжан* 持仗), то есть предмет, по определению предназначенный только для борьбы со злом, это воспринималось уже как признак полной моральной деградации. Во-первых, ни о каком, хотя бы мало-мальском равенстве возможностей между преступником и жертвой, пусть даже абстрактно мыслимом, в этом случае говорить уже совсем не приходилось; способность преступника к насилию была, по сути, невозбранной, а способность жертвы к самозащите обнулялась. Во-вторых, оружие, специально изготовляемое, чтобы калечить и убивать врага, однозначно демонстрировало то, что алчный злодей вышел на дело, заведомо и сознательно готовый к душегубству. Тут уж было не до *ти* и тем более не до *чи*.

Для обозначения оружия в Кодексе применен в данном случае термин максимально обобщенный: *чжан* 仗. Не уточнено, например, что это должно было быть военное снаряжение, имеющее колющие или режущие поверхности (*бин жэнь* 兵刃). В Кодексе данный термин определен следующим образом:

Под оружием (чжан 仗) имеется в виду военное снаряжение (бинци 兵器), палицы, дубинки и тому подобное. Под военным снаряжением имеются в виду [вещи] такого рода, как лук и стрелы, меч или трезубая пика. Палицы и дубинки, и железные, и деревянные, все [также относятся] к этому (Тан люй. Ст. 59. Уголовные установления Тан, 1999, с. 295–296).

Тот, кто при совершении ограбления держал в руках оружие, даже если не получил никакого имущества и не нанес жертве никакого физического ущерба, наказывался ссылкой на 3000 *ли* — так, как если бы он, будь его грабеж относительно мирным, ограбил жертву на 6 *пи* 1 *чи* или более. Если он с оружием в руках и впрямь получил имущество стоимостью в 5 *пи* или более, ему полагалось удушение. Ну, а если он не просто угрожал этим оружием, но реально пустил его в ход и нанес жертве телесное повреждение, то, вне зависимости от величины награбленного (попытка могла быть и вовсе безуспешной), он должен был быть казнен обезглавливанием.

Грабеж принадлежал к тому относительно редкому типу преступлений, когда жертвы, принадлежащие к сословию лично зависимых, даже низшие, такие как рабы или рабыни, приравнивались к лично свободным людям.

Обычно преступления, совершенные в отношении лично зависимых, наказывались на то или иное количество степеней легче, чем те же преступления, совершенные в отношении лично свободных. Это относилось и к большинству преступлений, связанных с посягательством на личную физическую неприкосновенность лично зависимых. Но в связи с грабежом в Кодексе однозначно заявлено:

Убийство раба или рабыни, а также нанесение им телесных повреждений равно подпадают [под действие данной нормы]. Во всех статьях рабы и рабыни по большей части не приравниваются к лично свободным. По настоящей же [статье] убийство раба или рабыни, либо нанесение им телесных повреждений наказывается так же, как если бы это были лично свободные люди. Хотя бы [потер-

невший] не являлся хозяином имущества, достаточно того, что вследствие хищения он был убит или получил телесное повреждение, и [наказание] всегда является таковым же. Безразлично, лично свободный это был или лично зависимый, все проходит по закону о хозяине имущества (Тан люй. Ст. 281. Уголовные постановления Тан, 2005, с. 93).

Подытоживая, можно выстроить следующую шкалу возрастания наказания соответственно возрастанию жестокости осуществления присвоения и/или стоимости этого присвоения, если оно было квалифицировано как грабеж:

- ◆ безрезультатная безоружная попытка — 2 года каторги;
- ◆ безоружный и бескровный грабеж в размере 1 *чи* — 3 года каторги;
- ◆ безоружный и бескровный грабеж в размере 2 *пи* 1 *чи* — ссылка на 2000 *ли*;
- ◆ безоружный и бескровный грабеж в размере 4 *пи* 1 *чи* — ссылка на 2500 *ли*;
- ◆ безоружный и бескровный грабеж в размере 6 *пи* 1 *чи* либо безрезультатная попытка ограбления с оружием в руках — ссылка на 3000 *ли*;
- ◆ безоружный и бескровный грабеж в размере 10 *пи*, либо безоружное нанесение телесного повреждения, либо грабеж в размере 5 *пи* с оружием в руках — удаление;
- ◆ безоружное убийство либо нанесение телесного повреждения с применением оружия вне зависимости от результативности собственно грабежа — обезглавливание.

Имущественные преступления, уподобленные грабежу

В качестве эталона для определения наказания за иные преступления грабеж в Кодексе встречается не часто — слишком уж исключительным и слишком определенным было это преступление само по себе. Основной спектр возможных действий, которые надлежало квалифицировать как грабеж, в силу их немногочисленности и относительного единообразия можно было перечислить разом. Что и было сделано. Мы видели, что в статье о грабеже предусмотрены и одурманивание человека, приравненное к совершению прямого насилия, и разнообразные вариации типа «сначала хищение, потом насилие, сначала насилие, потом хищение» и пр.

Однако законодатели смогли предвидеть и весьма специфические ситуации, когда для определения наказаний следовало применять нормы, предусмотренные на случай грабежа. Поставить жертву в угрожаемое состояние, в котором она имела весьма малые возможности для защиты своего имущества, можно было не только оружием, не только зельем, не только угрозами или прямой физической силой. И любые действия подобного рода, если они заключались в прямом лишении объекта преступления возможности оказать сопротивление, закономерно могли быть приравнены к грабежу — то есть применению «угрозы либо силы».

Поджог

Текст Кодекса по временам напрочь утрачивает юридическую сухость и становится яростно обличающей публицистикой. Случается это нечасто, но само по себе характеризует якобы чисто правовой памятник как уникальное творение литературы, предназначенное активно улучшать мир, посланное его творцами на бескомпромиссную борьбу со Злом и призванное делать это всеми возможными средствами — и рациональными, и эмоциональными.

Коварство и хитрость злодеев [находят] тысячу способов и десять тысяч приемов. Они хищнически пробивают в стенах отверстия и идут на любую подлость. Например, они [могут] поджечь домашние постройки [другого] человека или накопления его вещей, и благодаря [возникшим обстоятельствам] похитить его имущество (Тан луй. Ст. 284. Уголовные установления Тан, 2005, с. 98).

А поэтому:

Всякому, кто преднамеренно поджигает домашние постройки [другого] человека или накопления его вещей и совершил хищение (дао 盜), наказание из расчета вызванного поджогом уменьшения стоимости, присовокупленной к стоимости присвоения (бинцзан 併贓), определяется как за грабеж (и цяндао лунь 以強盜論). ...Рассчитывается уменьшение цены вещей, вызванное поджогом, присовокупляется к [стоимости] вещей, которые были похищены, и наказание из расчета [общей их стоимости] присвоения определяется как за грабеж. За 10 ти — удавление (Тан луй. Ст. 284. Уголовные установления Тан, 2005, с. 97–98).

Непримиримость к такому коварству преступника, как и суровость норм его наказания очевидны. Применение огня было во всем приравнено к применению, например, насилия или отравы; беспомощность человека перед огненной стихией очевидна. И более того. Коварный грабитель должен был получить наказание не просто соответственно стоимости того имущества, которое он в результате столь изощренного преступления получил, но — соответственно суммарной стоимости того, что он получил, и того, что он просто сжег, стараясь дезориентировать, отвлечь и напугать жертву. Неважно было, на сколько грабитель обогатился — важно было, на сколько пострадал потерпевший, какова оказалась общая величина его ущерба. Все, чего он лишился, квалифицировалось как имущество, отнятое у него посредством грабежа. Даже если сгорело имущества на 8 или даже 9 ти, а награть при том удалось лишь на 1 или 2 ти, злокозненный и корыстный поджигатель должен был получить наказание, соответствующее грабежу стоимостью в 10 ти, — и, следовательно, распрощаться с жизнью.

Но очень симптоматично, что даже здесь негодование по поводу коварства преступников не смогло заставить танских законодателей потерять голову от благородной ярости и забыть о необходимости быть справедливыми. Чтобы уточнить методику принятия судебных решений для совсем уже сложных случаев, могущих возникнуть в связи с преднамеренным поджогом, они сами придумали интегрированные в текст разъяснения к статье вопросы и сами же на них ответили.

Вопрос. Имеется человек, который, держа [в руках] оружие, совершил поджог домашних построек [другого] человека. Благодаря [возникшим обстоятельствам] похитил его имущество. Или же владельцу вещей было нанесено телесное повреждение огнем. Какими должны быть наказания?

Ответ. ...Преднамеренный поджог домашних построек [другого] человека наказывается 3 годами каторги. Безразлично, [было это сделано с применением] насилия или тайком. Поэтому наказание тому, кто, держа [в руках] оружие, совершил поджог домашних построек [другого] человека, ограничивается 3 годами каторги.

Если благодаря [возникшим обстоятельствам] совершил хищение имущества, даже если первоначально намерения совершить хищение не было, то, хотя бы и действовал, держа оружие [в руках, обстоятельства] дела одинаковы [с теми, о

которых сказано]: сначала насилие, затем хищение. Закон предусматривает, что рассчитывается стоимость присвоения и [преступника] наказывают, как за грабеж.

Если человеку было нанесено телесное повреждение огнем, это подпадает под [действие] закона о нанесении телесного повреждения при грабеже (Тан люй. Ст. 284. Уголовные установления Тан, 2005, с. 98).

Другими словами, если преднамеренный поджог был совершен насильственным образом, с оружием в руках, так что, например, владелец поджигаемого имущества, пусть даже видя, что происходит, физически не мог этому помешать, применение насилия само по себе не утяжеляло вину поджигателя. А вот то, что после совершения поджога и благодаря ему поджигатель утащил какие-то вещи, действовал ли он с оружием в руках в момент совершения поджога или в момент совершения хищения, все равно — приводило к тому, что умышленный поджог должен был наказываться как грабеж в размере суммарной стоимости сгоревшего и похищенного имущества. Не оружие в руках тут делало грабителя грабителем, но умышленно пущенный им огонь. И если жертва поджога или грабежа получила какие-то телесные повреждения не из-за применения грабителем оружия, а от огня, это рассматривалось как нанесение телесного повреждения при грабеже, так что преступник, поджигатель и грабитель в одном лице, должен был быть казнен удушением вне зависимости от того, совершил ли он реальное присвоение или нет.

Хищение после драки

Как грабеж наказывалось и комплексное преступление, состоявшее в том, что преступник нанес какому-либо человеку побои по любой иной причине, не вождедея его вещей и не стараясь что-то у него отнять, но затем в какой-то момент, обнаружив, что жертва его более или менее беспомощна, а какая-то из имеющихся у жертвы при себе вещей — соблазнительна, отнял и забрал эту соблазнительную вещь себе. Текст соответствующей статьи прямо уподобляет такую ситуацию ситуации «сначала насилие, потом хищение», составлявшей одну из основных разновидностей грабежа.

Однако корыстные помыслы, изначальная алчность, обусловленность заранее спланированных насильственных действий именно имущественными вожделениями играли важнейшую роль при определении грабежа. Поэтому для данной ситуации Кодекс уточняет:

Имеется в виду, что первоначально в сердце своем не имел вожделения к вещам, но избил из-за другого дела, благодаря [возникшим обстоятельствам] увидел [какое-то] имущество и вследствие этого отнял его. Это дело одного рода [с теми, о которых сказано]: «сначала насилие, затем хищение». Поэтому рассчитывается стоимость присвоения и наказание определяется как за грабеж (и цяндао лунь 以強盜論). За 1 чи — 3 года каторги, за [каждые последующие] 2 пи наказание увеличивается на 1 степень. Однако по причине того, что поначалу в сердце [преступника] не было намерения к хищению, если стоимость присвоения достигает полных 10 пи, за что полагается смерть, он наказывается ссылкой с дополнительными работами (цзя и лю 加役流).

Если [при попытке] отнять имущество оно не было получено, следуют только законам о преднамеренном нанесении побоев или нанесении побоев в драке.

...Поскольку изначально в сердце [преступника] не было намерения к хищению, хотя бы он и держал [в руках] оружие, наказание ему, тем не менее, не увеличивается (Тан люй. Ст. 286. Уголовные установления Тан, 2005, с. 103)⁴.

Закон, стремясь к справедливости, ставил тут перед следствием весьма сложную задачу. Одни и те же действия: избиение с последующей попыткой отнять у избитого имущество, безуспешной осталась эта попытка или увенчалась успехом, могли быть при стоимости отнятого в 10 *пи* или более наказаны либо смертной казнью через удушение, либо — всего лишь ссылкой с дополнительными работами. Все зависело от того, возникла ли драка по какой-то иной причине, нежели вожделение к собственности побитого, или драчун затеял ее с заранее имевшимся у него намерением отнять эту собственность.

Более того, если, несмотря на нанесенные жертве побои, имущество отнять не удалось, надлежало либо рассматривать произошедшее как безуспешную попытку грабежа, либо пренебречь попыткой отнять у жертвы имущество и наказывать преступника только за побои. И все это в зависимости лишь от того, имел ли преступник еще до начала драки намерение отнять это имущество, или идея осенила его уже после того, как он нанес противнику несколько успешных ударов по какой-то сугубо неимущественной, бескорыстной причине.

Даже наличие у преступника во время инцидента в руках оружия, обычно рассматривавшееся как прямое доказательство заранее запланированного насилия, могло не пойти в расчет, если оружие не было применено и удавалось доказать, что намерения ограбить жертву преступник все-таки не лелеял, и при том, что натворил — все же не запятнал себя алчностью.

Нанесение физического ущерба при коллективном совершении кражи

Наказание как за грабеж требовалось определять и в ситуации убийства или нанесения телесного повреждения жертве при коллективном совершении кражи, то есть тайном, по идее — неопасном для жизни и здоровья жертвы присвоении.

В случаях совместного совершения хищения, если [кто-либо] тут же совершил убийство или нанесение телесного повреждения, наказание ему определяется как за грабеж. [В отношении] действовавших вместе с ним людей, не знавших об обстоятельствах убийства или нанесения телесного повреждения, [следуют] только закону о краже (Тан люй. Ст. 289. Уголовные установления Тан, 2005, с. 112–113).

Можно представить себе, например, ситуацию, когда группа воров пробралась в чей-то амбар или, например, в казенный склад, где никого в данный момент не должно было быть, но либо хозяин, либо особо бдительный стражник случайно оказались в месте совершения хищения — и кто-то из воров, не в меру увлеченный своим коры-

⁴ Ссылка с дополнительными работами — один из шести типов особых ссылок, сопровождавшихся утяжелением исполнения приговора. Например, не действовали некоторые привилегии, нельзя было отменить приговор по амнистии. Обычные ссылки включали в себя 1 год принудительных работ, отбываемых по прибытии к месту ссылки. Ссылка с дополнительными работами подразумевала трехлетний срок таких работ.

стным замыслом, радикально избежал от нежданной помехи. Он сразу оказывался в глазах закона грабителем, хотя все его подельники оставались лишь ворами.

Характерно то, что, согласно той же статье Кодекса, если попытка кражи осуществлялась неким вором в одиночку и вор этот при совершении хищения — в тексте сказано еще более определенно: «из-за совершения хищения» (*инь дао* 因盜) — нечаянно (*гоши* 過失) убил кого-то или нанес кому-то телесное повреждение, он не считался грабителем. Причем — вне зависимости от того, было ли хищение успешным или нет.

Ключевое обстоятельство тут — непреднамеренность, нечаянность совершенного насилия. Наказание такому вору определялось как за нанесение соответствующего телесного повреждения или убийство в обычной бытовой драке, не отягощенной корыстью; к тому же если по нормам, предназначенным для обычных бытовых драк, наказание грозило дойти до смерти, в данном случае назначалась ссылка с дополнительными работами. То есть, с одной стороны, преступник получал некое послабление даже по сравнению с нормами наказания обычных драк. Но с другой — не предоставлялась и возможность откупа от наказания, как следовало бы, будь такое преступление полностью приравнено к нечаянным⁵. Ведь преступная мотивация у этого человека все же была — он хотел украсть чужое имущество. А это кардинально отличало его от мирного законопослушного подданного, убившего или ранившего кого-то действительно нечаянно, не тая никаких черных мыслей.

Именно так творцы Кодекса, решив здесь в очередной раз не просто ввести некую норму, но объяснить ее с точки зрения морали, растолковывают данную тонкость.

...Поскольку... было исходное намерение совершить хищение... не следуют [норме о полагающемся при] нечаянном [совершении подобных преступлений] внесении откупа. ...Наказание определяется как за убийство или нанесение телесного повреждения в драке (Тан люй. Ст. 289. Уголовные установления Тан, 2005, с. 112).

В предписании о коллективном хищении специального указания на нечаянность кровавого дополнения нет. И это понятно. Для индивидуально совершаемой кражи было только два варианта: преднамеренное совершение насилия или нечаянное совершение насилия. Первый вариант распался на сразу оговоренные статьей о грабеже ситуации: сначала насилие, потом хищение и сначала хищение, потом насилие. Но оставалась ситуационная брешь: нечаянно совершенное насилие — все равно, до совершения кражи или после, важно лишь, что в связи с ней. Эту-то брешь и заполняла данная статья.

Для коллективного совершения хищения спектр вариантов сам собой увеличивался уже в силу возможного разнообразия поведения каждого из членов воровской группы. Если один из подельников при коллективной краже случайно нанес кому-то телесное повреждение или лишил жизни, вероятно, к нему тоже следовало отнести предписание, которому исходно посвящена была данная статья: надо полагать, он получал наказание как за нанесение соответствующего физического ущерба в драке, а остальные — как обычные воры. В силу случайности произошедшего вопрос о знании или незнании остальными преступниками того, что при осуществлении кражи кем-то из их шайки более или менее сознательно и намеренно было применено наси-

⁵ «Всякому, кто нечаянно убил человека или нечаянно нанес человеку телесное повреждение соответственно каждому данному случаю, исходя из обстоятельств происшедшего, наказание определяется с применением откупа» (Тан люй. Ст. 339. Уголовные установления Тан, 2005, с. 246).

лие, просто не мог возникнуть. Не было «обстоятельств», которые преступные сотоварищи могли бы знать или не знать.

Если же один из воров в процессе осуществления преступного замысла убил или ранил кого-то не нечаянно, а сознательно, он один оказывался грабителем — вероятно, вне зависимости от того, предшествовало ли совершение насилия совершению хищения или наоборот. Это значит, что, каков бы ни оказался размер добычи, за нанесение телесного повреждения преступник должен был быть наказан удушением, а за убийство — обезглавливанием.

Подельники же, не участвовавшие в совершении насилия, поскольку исходным общим замыслом насилие не планировалось, не могли быть квалифицированы как грабители и оставались обычными ворами, а потому и наказания получали как воры. Их следовало по обычным правилам подразделить на главаря и соучастников и вычислять наказания согласно шкале краж.

Похищение лично свободных людей

Танским правом предусматривалась целая система правовых норм на случай совершения таких специфических преступлений, как похищение лично свободных людей (а также и лично зависимых) с целью их обращения, например, в своих лично зависимых или продажи в качестве лично зависимых другим людям. Такие действия могли быть осуществлены и по обоюдному согласию, тогда они квалифицировались как сманивание (*хэю* 和誘). Но особенно неприемлемо было применение насилия; похищение (*люэ* 略) и определялось как «отсутствие обоюдного согласия».

Отсутствие обоюдного согласия есть похищение (бу хэ вэй люэ 不和爲略). При возрасте в 10 лет и менее, хотя бы и было обоюдное согласие, это равно подпадает [под действие] закона о похищении (Тан люй. Ст. 292. Уголовные установления Тан, 2005, с. 117).

Понятно, что получение согласия малолетнего, то есть недееспособного, не могло рассматриваться законом всерьез и приравнивалось к насилию. Дети и в наше время порой готовы за конфету сесть в машину к незнакомому дяде и согласиться на что угодно. Они просто не понимают, что происходит и чем происходящее им грозит; понимает лишь тот, кто действует. Уже полторы тысячи лет назад танские законодатели учитывали ситуации подобного рода.

Вообще же говоря:

Всякий, кто похитил человека либо продал похищенного человека в рабы или рабыни, наказывается удушением, в буцзюй⁶ — наказывается ссылкой на 3000 ли, в жены, наложницы, в сыновья или внуки по мужской линии — наказывается 3 годами каторги (там же).

Однако если похищение было насильственным, объект похищения мог получить те или иные телесные повреждения.

Тогда похититель должен был быть наказан как грабитель.

Корыстная мотивация, помноженная на применение насилия, пусть даже не запланированное, а спонтанное, ситуационное, снова давала в итоге однозначный резуль-

⁶ *Буцзюй* — тип лично зависимых, по своему социальному уровню расположенных много выше рабов, но несколько ниже самых младших членов семьи, которой данный *буцзюй* принадлежал.

тат — применение для наказания норм, предусмотренных для грабежа, то есть фактическое уподобление данных действий грабежу.

...Если из-за [похищения человека] было совершено убийство или нанесение телесного повреждения, это подпадает под [действие] закона о грабеже. Имеется в виду, что из-за [возникшей при] сопротивлении похищению человека драки произошли убийство или нанесение телесного повреждения. Это подпадает под [действие] закона о грабеже. Поскольку это подпадает под [действие] закона о грабеже, если из-за похищения был убит или получил телесное повреждение сторонний человек, это равно подпадает [под действие данной нормы]. Если из-за похищения было нанесено телесное повреждение человеку, то, хотя бы похищение человека и не удалось, должно, тем не менее, наказывать удушением. В тех случаях, когда человека похищали [для продажи] в рабы или рабыни, но похищение не удалось и к тому же не было нанесено телесных повреждений, то, как и при грабеже, при котором не было получено имущества, наказание — 2 года каторги (Тан люй. Ст. 292. Уголовные установления Тан, 2005, с. 118).

Следовательно, если при попытке похищения лично свободного человека он или кто-либо, так или иначе подвернувшийся под руку, получил телесное повреждение, закон предусматривал удушение. Если жертва похищения или третье лицо оказались убиты, преступник подлежал обезглавливанию. Даже если похищение вообще не удалось и похищаемый не получил физического ущерба, лишь из-за того, что целью похищения была продажа в рабы или рабыни, то есть превращение человека в имущество, преступление продолжало оставаться аналогией грабежа, и потому похититель подлежал наказанию как за неудавшуюся попытку ограбления.

Фактически то же самое преступление — попытка похищения, не удавшаяся и не приведшая к получению жертвой физического ущерба, наказывалась легче, если целью похищения была продажа не в рабы.

Если намерением было [похитить или продать] в буцюи, наказание — 1,5 года каторги, если намерением было [похитить или продать] в жены, наложницы, сыновья или внуки по мужской линии, наказание — 1 год каторги (там же).

Снова, в который уже раз, поражает скрупулезность логики танских законодателей, продуманность даже мелочей. И в данном случае они отнюдь не с потолка снимали, как именно следовало наказывать неудачные попытки похищения. Ведь, с одной стороны, они предписали, что похищение с целью обращения или продажи в рабы наказывалось удушением, в *буцюи* — ссылкой на 3000 *ли* (то есть на 1 степень легче относительно удушения), а в жены, наложницы, сыновья или внуки — 3 годами каторги (то есть на 1 степень легче относительно ссылки на 3000 *ли*). С другой — приравнивали нанесение физического ущерба при похищении к нанесению физического ущерба при грабеже. А потому у них просто не было иного выхода, как установить, что неудачная и не сопровождавшаяся нанесением физического ущерба попытка похищения в рабы наказывается, как неудачная попытка ограбления, то есть 2 годами каторги. Но тогда волей-неволей, еще более автоматически, они вынуждены были за неудачную и бескровную попытку похищения в *буцюи* установить наказание, на 1 степень более легкое, чем полагавшееся за неудачную попытку похищения в рабы, — стало быть, 1,5 года каторги. И та же неумолимая логика заставила их определить наказание за неудачную попытку похищения в жены или сыновья как 1 год

каторги — потому что именно это наказание получалось в результате уменьшения на 1 степень наказания полутора годами.

Похищение рабов

Как грабеж, хотя и с запрещением применять смертную казнь, следовало наказывать и похищение раба или рабыни (*люэ ну би* 略奴婢). Обычно лично зависимые люди низшего уровня приравнивались к имуществу; правда, в случаях причинения им телесных повреждений или смерти при определенных ситуациях их следовало считать людьми, но здесь речи о нанесении физического ущерба как раз нет. В Кодексе определяется:

...Имеется в виду, что [раб или рабыня без их] согласия были похищены и, [таким образом,] захвачены (Тан люй. Ст. 293. Уголовные установления Тан, 2005, с. 122).

О том, что кто-то был при совершении похищения ранен или убит, будь то являющийся объектом похищения раб или сторонний человек, не сказано ни слова. И тем не менее:

Всякому, кто похитил раба или рабыню, наказание определяется как за грабеж. ...[Увеличение] наказания ограничивается ссылкой на 3000 ли (Тан люй. Ст. 293. Уголовные установления Тан, 2005, с. 121–122).

То, что лично зависимые, пусть даже низшего уровня, такие как рабы и рабыни, по временам рассматривались как имущество⁷, а по временам — нет⁸, вынуждало танских законодателей порой пускаться на изрядные ухищрения, чтобы учесть оба фактора, и это приводило к парадоксальным юридическим предписаниям. Скажем, если жертвой грабежа, то есть насильственного отъема каких-то вещей, были раб или рабыня, за нанесение жертве ограбления физического ущерба грабитель нес ответственность, как если бы это был обычный свободный простолюдин.

Во всех статьях рабы и рабыни по большей части не приравниваются к лично свободным. По настоящей же [статье о грабеже] убийство раба или рабыни либо нанесение им телесных повреждений наказывается так же, как если бы это были лично свободные люди (Тан люй. Ст. 281. Уголовные установления Тан, 2005, с. 93).

И совсем уже тонкая ситуация возникала, когда происходил грабеж, при котором объектом насилия являлся не тот, при ком был похищаемый предмет, но сам этот похищаемый предмет.

⁷ Например: «Рабы и рабыни являются лично зависимыми людьми, и в уголовных установлениях они приравниваются к домашнему скоту» (Тан люй. Ст. 47. Уголовные установления Тан, 1999, с. 264). Или: «Когда о рабах и рабынях не [сделано] особых оговорок, они приравниваются к домашним животным и имуществу. ...[Речь идет об] имуществе частных семей, а также их рабах, рабынях, домашних животных [и вещах] такого рода — например, мельницах, складах, лавках, угожьях, жилищах, повозках или лодках. ...Имеется в виду, [например], что в статье о Восстании против и о Великой строптивости указывается, что имущество конфискуется в казну. Не сказано: рабы, рабыни и домашние животные, поскольку все это в целом является имуществом» (Тан люй. Ст. 290. Уголовные установления Тан, 2005, с. 113–114).

⁸ «...Рабы и рабыни не попадают [под понятие] лично свободных людей. Только вследствие хищения с нанесением телесного повреждения или убийством они приравниваются к лично свободным людям» (Тан люй. Ст. 30. Уголовные установления Тан, 1999, с. 186).

Грабеж отличается от кражи тем, что к владельцу вещи, которую похищают, применяется насилие. Не к вещи, но к ее владельцу. Скажем, тайно уносимая от привычных ей хозяев особо звонкая цикада, живая тварь, относящаяся к имуществу, тоже ведь подвергается в каком-то смысле насилию — но это считается кражей, потому что хозяин цикады насилию не подвергся. Никому и в голову не придет перекалфицировать кражу цикады в грабеж из-за того, что цикаде был нанесен физический ущерб. Грабежом такая кража окажется, лишь если физический ущерб получит хозяин цикады.

При похищении раба оказывалось не так. Раба похищали как имущество, но телесные повреждения, полученные им, квалифицировались так, как если бы его похищали у него самого. Имущество, каковым являлся раб, было силой, с нанесением травм, отнято у некоего человека, каковым, по факту, являлся тот же самый раб. В пределах одной небольшой статьи раб выступал одновременно и в качестве человеческого имущества, и в качестве человеческого существа, что порождало фантазмагорическую картину.

Насилию подвергался раб. Хозяин лишь терпел убыток. А ведь грабеж есть убыток, при котором насилие было применено к хозяину. Таким образом, в каком-то смысле раб и его хозяин оказывались единой плотью: в финансово-юридической сфере раб выступал как имущество хозяина, а в грубо материальной, в той, где применяют угрозу либо силу, где пугают, хватают, вяжут и бьют, где течет кровь и хрустят кости, — фактически как часть тела хозяина. В том, что наказание за похищение раба определялось в зависимости от стоимости данного раба, нет ничего оригинального. Но то, что наказание похитителю в зависимости от стоимости раба нужно было определять по шкале, прописанной для грабежа, косвенно указывает, что насилие, которому подвергся раб, переносилось на хозяина и давало танским юристам право счесть хозяина именно ограбленным, а не обокраденным.

Список литературы

- Кроль Ю.Л., Романовский Б.В.* Опыт систематизации традиционной китайской метрологии // Страны и народы Востока. 1982. Вып. XXIII: Дальний Восток (История, этнография, культура).
- Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн (Библиотекасерия). Т. 775–780. Шанхай, 1936–1939.
- Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб., 1999.
- Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 17–25. СПб., 2005.
- Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 26–30. СПб., 2008.

Summary

V.M. Rybakov

The Tang Dynasty Punitive Laws for Embezzlement with Violence

Judicial norms prescribing punitive sanctions for embezzlement with violence were formed under the direct influence of two fundamental cultural values: personal immunity and property immunity. The Chinese Tang Dynasty criminal law considered “robbery” to be the most unacceptable among the six major types of property crimes. The robber’s motivation was regarded as twofold: greed and cru-

elty, cupidity and lack of humanism. In order to determine the adequate punishment for robbery one should take into account the degree of his criminal motivation. Simple greed (realized, for example, in theft), and simple cruelty (realized, for example, in beating) were considered less criminal motives than their combination, realized as a robbery. Violence is considered an integral element of robbery, but this concept could be interpreted broadly. Members of the inferior social classes, such as slaves, usually were considered property by law, but they were equal to free commoners, if they were subjected to criminal violence.